

ПОНЯТИЕ РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ГРАЖДАН

АСАНАЛИЕВА ДЖ. Б.

Основная цель статьи – исследование динамики понятий реформа и революция в разных исторических периодах, и их оценка в научном и обыденном сознании. Тема актуализируется тем, что особенности политического сознания населения тесно связаны с темпами осуществления реформ и их результатами.

Есть две формы социального прогресса: революция и реформа, диалектика этих понятий – как они соотносятся, что они нам несут, что предпочтительнее – эта проблема актуальна не только потому, что у политических элит просматриваются разные позиции по этому вопросу и от этой позиции зависят предполагаемые варианты осуществления различных моделей выстраивания политики. Проблема важна ещё и потому, что сегодняшняя историческая практика строительства демократии обязательно привлекает к решению многих вопросов гражданское общество, которое крайне заинтересованно относится к методам осуществления и результатам политических решений. Кроме того, для граждан Киргизстана – это не праздный интерес: события 24 марта 2005 года и 7 апреля 2010 года – богатейший материал для споров, анализа, прогнозов и трактовки не только политологами, но и простыми гражданами.

В традиционном гегелевском, а затем и в марксистском научном понимании: **революция** это комплексное изменение всех или большинства сторон общественной жизни, имеющее качественный характер, резкий скачок. Согласно марксистской методологии глубинной причиной наступления эры социальной революции является конфликт между растущими производительными силами и сложившимися производственными отношениями, консервативными по своему характеру. На этой объективной почве обостряются экономические, политические и иные противоречия в обществе – они-то и приводят к революции. Исходя из того, какая именно сфера преобразовывается, революции могут быть политическими, экономическими, культурными, социальными. Безусловно, эти определения носят чисто условный характер, так как преобразование в любой сфере общества приводит к изменениям в той или иной степени в других сферах. Более всего заметны преобразования в политике, первая цель – переход власти в руки нового класса, поэтому активность людей, добивающихся власти – самый яркий признак революции. В этот момент народные массы активно действуют, поддерживая те политические силы, которые сумели добиться их расположения. Марксисты долгое время рассматривали политическую революцию как всеобщий закон перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

Согласно современным теориям самоорганизации систем, «переход от одной исторической ступени к другой осуществляется вовсе не через дестабилизацию и разрушение системы» а через «рост упорядоченности и организованности в системе, становление системы как целостности и повышение сложности ее уровня». [1]. Здесь действует принцип дополненности: существуют разные линии и направления развития, дополняющие и стимулирующие друг друга. Отрицание – не уничтожение, а преодоление, снятие (Гегель) Чем квалифицированнее снятие, тем глубже и основательнее ассимиляция, ярче проявляются плюсы и минусы старой системы, есть время для осмысления и более взвешенного подхода к преобразованиям в обществе.

Можно констатировать следующее: особенность любой более или менее жизнеспособной системы состоит в сущностном единстве, которое выражается в одновременном сосуществовании в едином организме разнородных социально-политических сил, отражающих их интересы и потребности.

Что касается **реформы** – это преобразование, изменение какой-либо стороны общественной жизни, при котором основы существующего строя не уничтожаются, во всех сферах общественной жизни изо дня в день нарастают количественные накопления, благодаря которым происходят постепенные изменения, эволюция. Марксизм считал эволюционный процесс слишком мучительным для народа: консервируются старые общественные отношения, эволюция идёт очень медленно, производительные силы практически заморожены, изменения слишком поверхностны и это крайне отрицательно влияет на общество, особенно на эксплуатируемые классы. В этом случае путь постепенных реформ противопоставляется революционному взрыву, в короткое время сметающему старый порядок и этот взрыв - революция – единственно возможный путь для быстрого и эффективного преобразования общества, таково представление классического марксизма.

Реформы действительно могут носить поверхностный характер, когда они осуществляются под напором масс, вопреки своей воле правящий класс вынужден их проводить. Но реформы всегда осуществляются за чей-то счёт, элита очень хорошо осведомлена об этом, поэтому в ходе реформ она старается не ухудшить своего положения, следовательно, реформы полностью осуществляются за счёт тех классов, положение которых и без того трудное. В итоге изменения слишком незначительны и не влияют на общественное развитие, например крестьянская реформа 1861 года в России, в ходе которой было отменено крепостное право. Она быстро исчерпала свой преобразовательный потенциал, и общество вернулось к этому же вопросу в ходе уже революций 1905 и 1917 годов.

В противоположность таким реформам существуют структурные реформы, которые пусть и постепенно, но глубоко меняют общество, возьмём реформы в Японии во второй половине XIX века. Они позволили не только трансформировать политическую систему Японии, но и довольно быстро пройти путь индустриального развития. По пути структурных реформ движется современный Китай. Именно такие реформы отстаивали марксисты Э. Бернштейн («Движение всё, конечная цель – ничто!») и К. Каутский, заклеянные В. И. Лениным как предатели дела рабочего класса, реформисты, ревизионисты и пр.. Иными словами, преобразования неизбежно начинаются с политической воли правящего класса, который, прежде всего, изменяет политическую систему государства – начинается процесс **политической модернизации**.

В научном сознании соотношение исследуемых нами понятий никогда не менялось, революция была неким рубежом, который отделял новое качество от старого, а реформы подготавливали этот процесс, чем глубже они были, тем быстрее и менее болезненно проходили революции. Учёные всегда понимали, что одно дополняло другое, это две стороны одного и того же процесса. Другое дело – в отношении к этим сторонам: учёные оценивали реформу либо революцию в зависимости от своей идеологической позиции, многим памятно слова Маркса «Революции – локомотивы истории». Марксисты никогда не скрывали, что в политическом значении они отдадут предпочтение революции, что касается реформы, то многие помнят, что слово «реформист» с подачи В.И. Ленина было в то время ругательным. Это перекочевало из политического лексикона в быденное сознание, революция воспринималось позитивно, реформа – негативно.

Потребовалось время, чтобы предпочтения поменялись: в первой половине 90-х годов нам стали известны немарксистские точки зрения на реформу и революцию. Например: мнение Франка С. Л. в «Размышлениях о русской революции» сказано: революция - попытка «с помощью взрыва исправить недостатки паровой машины или с помощью землетрясения установить целесообразно распланировку города».[2] Иными словами, здесь полюса поставлены наоборот: революция – плохо, реформа – хорошо. Но были и более взвешенные мнения, в частности американский политолог Уайтхед считает, что революции похожи на корабль человечества, снимающийся с якоря, и иногда его снятие приводит «к открытию Нового Света, а иногда перед ним маячит призрак кораблекрушения». [3]

Еще одно мнение политолога Гаджиева: революция - насильственно проведенный рубеж, отделяющий старый порядок от новой, существующей только в проекте системы. Как видим, и здесь отношение к революции отрицательное – новой системы ещё нет, а революция уже проводит черту, отделяя старый режим от предположительно новой системы, это происходит насильственно. Нельзя не согласиться с тем, о чём он пишет далее: «революция может играть роль инструмента к новому качеству общества лишь в том случае, если за ней последует реставрация. Революция без реставрации имеет свою логику, суть которой состоит в сведении всего и вся к единому знаменателю, упрощении, унификации, в процессе которых удаляются «лишние» элементы ...» [4] Революция, реализующая проект своей системы борется со всем «лишним, старым, отжившим», обвиняя в неизбежных неудачах «пережитки прошлого». Это приводит к тому, что революционеры постепенно ликвидируют любые возможности, для каких бы то ни было споров, дискуссий, оппозиционных взглядов. В этом случае оппозицию легче рассматривать как «лишний, мешающий» элемент, народ «сплачивается» вокруг власти и создается видимость разрешения всех противоречий и конфликтов. Общество превращается в замкнутое пространство, не терпящее, откуда бы то ни было «вмешательств». Разрешаются лишь те действия, которые официально объявляет власть.

Согласимся с этим мнением - реставрация – это поправка, корректировка осуществляющейся перестройки общества, зачастую именно реставрация останавливает общество на краю пропасти. Революция должна дополняться реформами, корректирующими её, только так можно предотвратить реализацию безумных идей, которые очень часто предлагают скороспелые политические лидеры революции. Здесь обязательно в борьбу вступают приверженцы самых разных моделей развития общества, апелляция их к массам приводит к волнениям в обществе, а иногда и к массовым беспорядкам. Силы, пришедшие к власти, обвиняют оппозиционеров, дескать, они «раскачивают лодку», мешают «преобразованиям». Преодолеть опасный путь развития, войти в правовое русло, можно при полной и безоговорочной демократизации всех сфер общественной жизни, легитимизации всех политических сил, сохранение многообразия – единственный метод, позволяющий избежать унификации и упрощения политической жизни.

Говоря о соотношении реформы и революции, тот же Уайтхед писал: «в общей идее всегда кроется опасность для существующего порядка. Совокупность ее возможных частных воплощений в различных общественных начинаниях постепенно образует программу реформ. И вот в какой-то момент, тлеющий огонёк, зажженный человеческими страданиями, охватывает пламенем эту программу, - наступает период быстрых перемен, освещенный пламенем этих идей». [5] Но чтобы это случилось, необходимо участие народа, как пишет Уайтхед «различные общественные начинания». На наш взгляд, это абсолютно справедливо, мы видим на примере нашей страны, что действительное осуществление реформ находится на начальном этапе и «тлеющий огонёк» ещё не осветил программу реформ, она только обозначила свои тенденции. Процесс политической модернизации должен проходить при обязательной **социальной мобилизации** населения – граждане должны быть готовы включиться в новые социальные структуры, мало того, они сами создают эти социальные структуры в ходе изменения места жительства, профессий, сфер деятельности, изменения социальных ролей и социальной памяти. Чем больше граждан охвачено социальной мобилизацией, тем глубже и основательнее идут процессы политической модернизации – «различные общественные начинания» - показатель эффективности реформ. У нас старые рамки внутри социальных групп разрушены, но новая социальная структура не сформирована, пожалуй, именно это обуславливает кризис политического участия.

Проблема выбора пути развития для страны, которая модернизируется: путь либеральный либо авторитарный. Во-первых, либеральный путь, здесь существует право всех активных граждан участвовать в политических решениях, поэтому последствия будут *непредсказуемы*, и будут носить временный характер – слишком много политических

составляющих надо будет допустить в принятие решений. Но в этом случае, все кто участвует в политических решениях, четко должны были следовать процедурам – общественной договор строго прописывает что можно, а что нельзя. Политической элите нужно будет постоянно вести диалог с гражданским обществом, и соотносить все реформы с пожеланиями граждан. В странах с развитой политической культурой и демократическими традициями либеральный путь политической модернизации не просто предпочтителен – это единственно возможный путь: страны центральной и юго-восточной Европы достаточно наглядно это показывают. Тем не менее, периодические кризисы в политике и экономике говорят о непредсказуемых последствиях этого пути развития. Но в виду готовности к непростому диалогу власти и гражданского общества о предпринимаемых действиях, ситуацию удаётся держать под контролем. Для стран, в которых демократические традиции и отсутствует политическая культура взаимодействия властей и гражданского общества, либеральный путь особенно трудно осуществлять: и элита, и гражданское общество не готовы к постоянному и продуктивному диалогу, а тем более к совместным действиям.

Второй путь – авторитарный: *итоги определены, последствия предсказуемы, но процедуры не обозначены*, они лишены определенности. Каждый участник ведет себя так, как ему хочется, это касается и простых граждан, и политической элиты. Это по существу ставит вопрос о выборе народом пути – если реформы пойдут по либеральному методу, то процедуры должны быть строгими и всеми соблюдаться, однако, что из этого получится предсказать трудно. Вполне вероятно, что на каком-то этапе осуществления реформ, элита устанет согласовывать их со всеми социально значимыми слоями населения, а некоторые слои разочаруются в результатах, которых они не ожидали. Это приведёт к возврату не только авторитаризма, но и к «твёрдой руке», тоталитаризму. При авторитарном пути – процедуры не соблюдаются, а элита любыми путями добивается того, чего хочет, причём за счёт народа и с этим ничего нельзя поделать, народ исключён из процесса принятия решений. Способы и средства достижения элитой желаемого варианта развития зависят от качественных показателей состояния элиты, но в любом случае результаты предсказуемы. А если она переоценит свои силы и влияние, то сопротивление народа, требующего равенства всех перед законом и возможности для себя участия в принятии решений приведёт к насильственному свержению её власти.

Общественно-политическая система Запада – результат и комбинация всех парадигм, самое интересное – основные идеи для реформ подают левые силы, а осуществляют их чаще всего центристы, а иногда и правые, отобрав те идеи, которые будут осуществимы в данном обществе.

В нашей стране процесс реформ сталкивался с нарастающими трудностями, приобрел неустойчивый и возвратный характер. Проводимые реформы в посткоммунистических режимах в принципе выходят за рамки исторически сложившегося менталитета основной массы населения. Усиливающееся противоречие порождает дискомфорт у широких слоев общества, вызывает негативное отношение к реформам после начального этапа эйфории всеобщей критики прежней системы, это явилось причиной всеобщей дезорганизации.

Мобилизационная политика не опиралась на широкие слои населения. В значительной мере волнообразный процесс реформ, непоследовательность, шараханье из крайности в крайность связаны с тем, что не учитывалась динамика социокультурного развития, ожидания не оправдывались. Реформирование не обеспечило достижения макроэкономической и макросоциальной стабильности, у населения появилась усталость от программ и проектов, не было и реального улучшения материального положения. Реформы были дискредитированы в глазах населения.

В подобных условиях надо было находить способы разрешения возникающих противоречий не путем подчинения интересов большинства меньшинству, а через согласие, расширение сферы сотрудничества и диалога различных сил. Этого не произошло, зато

произошли события 24 марта 2005 года. Но и последующие власти не учли опыта – наказание случилось очень быстро – апрельские события 2010 года поставили на их политической карьере точку.

Революция ли это? С точки зрения политиков – да. Можно спорить по этому поводу, но народный характер этого процесса несомненен: практически никто не пошёл защищать прежний режим, значит, народ согласился с действиями политиков, установивших свою власть на обломках старой. Что касается изменений – *фактического материала мало, поэтому для ученого слишком рано говорить об этом.*

Три кризиса наша страна должна преодолеть в ходе политической модернизации: кризис легитимности, кризис участия и кризис регулирования конфликтами. Кризис легитимности привёл к разгулу криминалитета (вплоть до того, что криминал практически находился на вершине власти); он породил не просто пренебрежение законами, но и правовой нигилизм. Преодолев этот кризис, страна полностью вернётся в правовое русло. Кризис участия ощущается в полной мере: отъезд граждан из Киргизстана принимает иногда масштаб катастрофы. Оставшиеся граждане не принимают участия в управлении своей страной, поэтому не чувствуют ответственности за судьбу родины. Третий кризис – кризис регулирования конфликтами – ещё более сложный кризис, с ним-то и приходится сталкиваться всему обществу. Начиная с 2008 года гражданское общество и государственные структуры, приступили к реализации Программы мира и развития, которая предусматривает создание в стране системы раннего предупреждения и раннего реагирования на конфликтные ситуации. Все три кризиса прямо влияют на выбор населения, как и какими темпами развиваться, что предпочтительнее: революция или реформа. Разумеется, всё это происходит неосознанно, на уровне обыденного сознания, часто не считаясь с потерями и отдалёнными негативными результатами.

Политологическая наука пока не может дать ответ на вопросы, поставленные обществом, хотя количество теорий, объясняющих исторический процесс велико. Но обыденное сознание уже сегодня требует ответа на актуальные вопросы, а если нет ответов, то само как умеет, отвечает на них – отсюда и непредсказуемые последствия.

Есть абсолютно устоявшиеся истины, с которыми трудно спорить, так как они проверены, по крайней мере, на протяжении двух веков и не на одной стране. Эти правила, и выработанные на их основе процедуры рациональны и выполнимы даже в обществах далеких от западных стандартов. В этих принципах нет ни грамма утопии и иллюзии и, за них стоит бороться.

Использованные источники:

- [1] Алтухов В. Марксистская диалектика стоит перед вызовом// *Общественные науки*. 1990. № 5 с. 87.
- [2] Франк С. Л. «Размышления о русской революции» // *Новый мир*. 1990. № 4, с. 208.
- [3] Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990, с. 404
- [4] Гаджиев К. С. О смене общественно-политической парадигмы. // *Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования*. № 1, 1993. с. 44.
- [5] Уайтхед А. Н. Там же.